

Возвращение

Тридцатилетний израильтянин Аарон Вагнер считает своей родиной Иерусалим, а домом — Иркутск. Он уже более трёх лет возглавляет иркутскую еврейскую общину и является главным раввином Иркутска и области. Если бы в иудаизме был институт миссионерства, возможно, наш собеседник стал бы миссионером. В областной центр он приехал из Донецка, где к 27 годам стал директором еврейской общины Донбасса.

Аарон Вагнер родился в семье эмигрировавших из СССР по религиозным соображениям евреев. Но так случилось, что его отец Зеев Вагнер, исключённый из Плехановки и комсомола за то, что являлся убеждённым сионистом, после перестройки стал иностранным членом Российской академии естественных наук. Время примирило семью Вагнеров со страной. Хотя иркутский раввин признался нашему корреспонденту НАТАЛЬЕ МИЧУРИНОЙ, что его родители никогда не думали, что их внуки появятся на свет в России.

Первый день рождения в России

Сам Аарон Вагнер в России празднует уже не первый день рождения. Первый был в Москве, тогда ещё столице Советского Союза, в 1990 году.

— Семнадцать лет назад мои родители после долгого перерыва вернулись в Москву. Они занимались издательской работой для израильского издательства «Шамиль», где печатают книги на русском языке. Тогда вся наша семья снялась с места и переехала в страну, из которой родители эмигрировали в 1976 году. Так я прожил в Москве полтора года и застал, наверное, самые трудные времена перестройки. Прекрасно помню талоны на сахар. В тот приезд мне исполнилось 13 лет. В Москве мы отпраздновали бар-мицу — праздник, когда еврейский мальчик становится полноценным мужчиной и к нему приходит обязанность соблюдать заповеди. Думаю, это стало одним из эпизодов восстановления еврейской жизни в Советском Союзе.

Потом я вернулся в Израиль и продолжил учиться в ешиве (еврейское религиозное образовательное учреждение. — «Конкурент»). В 1995 году поехал в Донецк. Я должен был помогать работать с молодёжью. Вместо запланированных трёх месяцев остался там на восемь. Затем вновь была учёба в Израиле и возвращение в Донецк, откуда я и перебрался в Иркутск три с половиной года назад. Моя последняя должность там была директор Донецкой областной еврейской общины.

— Как вы оказались в Иркутске?

— Ну, это не такой уж исторический момент. Мне сказали, что есть места, где нуждаются в раввине. Был выбор между Иркутском и Алма-Атой. Мы с женой приехали в Иркутск на несколько дней, потом в Алма-Ату. И решили остаться в Иркутске. Может, Алма-Ата и грандиознее, но в Иркутске была какая-то теплота. Здесь особенный уют.

В религиозном смысле иркутская община всегда считалась одной из авторитетных в бывшем Советском Союзе. Во-первых, тут есть синагога, и практически, за одним перерывом, не прекращалась её работа. Она была закрыта в 1933 году, а в 1946 году уже было выделено небольшое помещение для проведения служб. Во-вторых, здесь был раввин Натан Олевский, который приехал сюда во время первой мировой войны. Он переписывался с раввинами всего мира. Здесь вышли несколько его книг, но до наших дней дошло их совсем мало. Одна из них переиздавалась в 1995 году в Израиле.

— Выходит, выбор Иркутска был вполне осознанный и далеко не случайный?

— Скажем, это не было какой-то ссылкой. Вообще, сейчас ведь никто никого ничего не заставляет делать. Многие, кто не знает еврейский закон, пытаются представить ситуацию сложнее, чем она есть на самом деле. А на самом деле трудности в основном бытовые. Ну, например, по причине того, что в Иркутске сложно приобрести некоторые кошерные продукты, мы нашим детям не можем купить конфет, шоколада. Я уже не говорю о том, чтобы пойти в ресторан, такой возможности тоже нет. В чём-то трудно. Мы хотим этим путём идти. И сознательно его выбираем.

Семейная история

Когда я собирался в Иркутск, мне много рассказывали о том, что здесь живут не просто русские, а сибиряки. Я знал, что сибиряки прямые, говорят всё, что думают. Много чего мне объяснили. Я стараюсь понимать это...

— То, что вы узнали, соответствовало вашему представлению?

— Не будем ломать мифы. Но в общности сибиряков есть и минусы, как мне кажется. Иногда разговариваешь с евреем, а он отвечает: мол, какой же я еврей, я уже сибиряк. Люди, приехавшие в Сибирь, создали новую общность, но новое невозможно создавать, не оглядываясь назад. Сибиряки, может, особая ментальность, но есть ещё и история. Нужно покопаться в истории семьи, чтобы понять, как семья сюда попала.

Современная история семьи Вагнеров связана с возрождением религиозной еврейской жизни в России. Зеев Вагнер, отец рава Аарона, — человек, хорошо известный и в России, и в Израиле, и в Америке. Это сегодня он раввин Центрального федерального округа, президент научного фонда «Еврейская энциклопедия», заместитель главного редактора «Российской Еврейской Энциклопедии». А в семидесятые годы прошлого века — активист еврейского религиозного движения в России. О Зееве Вагнере рассказывают, как тот организовал семинар по изучению Торы для «еврейских сирот» — так называли молодых людей, родители которых выехали в Израиль, а они сами не имели такой возможности из-за того, что раньше служили в Советской Армии. Потом он участвовал в работе самиздатовского журнала «Тарбут» (в переводе — «Культура»), одной из задач которого было религиозное просвещение. В 1976 году активно сотрудничавшим с «Тарбут» власти дали разрешение покинуть СССР. Зеев Вагнер вместе с женой и маленькой дочкой уехали в Израиль.

— Моему папе тогда было 24 года. К этому времени его дважды сажали в психушку за то, что он пытался встретиться с членами делегации ООН по правам человека. Мои родители входили в активную молодёжную группу, которая занималась еврейской жизнью. И уехали из Москвы как религиозные евреи. Мой папа из очень религиозной семьи, а мама, наоборот, из коммунистической. Но они друг друга полюбили.

В семье старших Вагнеров — шестеро детей: три дочери и трое сыновей, двое из которых стали раввинами. Старший, Аарон, — главный раввин Иркутской области, средний, Беньямин, — главный раввин Красноярского края. «Не знаю, можно сказать, что это династия?» — говорит мой собеседник.

Раввин как профессия

— Вообще работа раввина в России и в бывшем Советском Союзе отличается от того, что делает раввин в общинах остального мира. Везде община приглашает раввина, предоставляет ему жильё и содержание, раввин же поддерживает членов общины советами. Но в России ситуация иная. Общины пока очень-очень слабые, и мы приходим, чтобы возрождать их. Здесь раввин занимается и духовными вопросами, и административной работой. Надо, например, найти деньги на содержание общины. Это — как забота о доме. Тут быть раввином намного сложнее.

— А вы каким проблемам предпочитаете сейчас больше внимания уделять — духовным или материальным?

— Невозможно духовное и материальное разделять. Весь смысл иудаизма — не отдаляться от этого мира. И, наоборот, всё то, что материально, соединить с духовным. Например, если мы ищем деньги на восстановление синагоги (незадолго до приезда в Иркутск Аарона Вагнера синагога, построенная в Иркутске в 1889 году, серьёзно пострадала от пожара. — «Конкурент»), то кто-то может сказать, вот раввин думает о деньгах, а с другой стороны, синагога, которую мы восстанавливаем, — это духовный центр. Но и не только духовный. Мы думаем там разместить и благотворительную столовую, и интернет-клуб для молодёжи, и молодёжный клуб, и медицинский кабинет, и даже тренажёрный зал. Весь смысл в том, чтобы возродить здесь жизнь общины.

Мы можем посмотреть на 90-е годы прошлого века. В то время был какой-то духовный подъём, но поверхностный, и когда экономическая ситуация улучшилась, он стал спадать. Люди начали терять интерес к религии. Сейчас мы работаем больше над качеством. Наверно, по количеству людей, интересующихся и обучающихся иудаизму, сейчас к нам приходит меньше, чем десять лет назад, но качество уже совсем другое. Люди больше уделяют этому времени и делают это более осознанно. У каждого есть возможность в он-лайн общаться с раввином по Интернету, задать ему любой вопрос.

— По каким признакам вы определяете, что община меняется?

— Я могу сказать однозначно, что до моего приезда в Иркутске община была и работала. Но, бесспорно, есть какие-то моменты, которые я могу поставить и себе в заслугу. Например, есть у нас несколько мальчиков и девочек, которые учатся в Москве в ешиве. Это их осознанный выбор. Изменения я вижу по количеству книг, которые расходятся, по количеству мацы. Или на праздники зал заполняют более 500 человек.

Конечно, кое в чём мы сейчас отброшены назад, потому что центр жизни общины находится в этом маленьком помещении, которое мы арендуем, а не в синагоге, где был пожар. Но это техническая ситуация, которая исправится.

— Как сейчас обстоят дела с восстановлением синагоги, насколько она будет отличаться от той, что была до пожара?

— Внешне она изменится. Будет иметь первоначальный вид. Это уже видно по арочным окнам, которые недавно установили. Синагоге будет возвращена старая цветовая гамма. Внутри тоже восстанавливаются элементы, созданные при строительстве. Молитвенный зал будет двухъярусный: в еврейской традиции мужчины и женщины молятся отдельно. У женщин будет галерея на втором этаже, они будут видеть, что происходит в молитвенном зале. Также Арон Кодеш («святой шкаф»), где находятся священные книги, будет располагаться там, где он изначально находился. Будут две маленькие пристройки, которые тоже были когда-то.

А вот когда синагога откроется, только Бог знает. Пока мы шли к этому проекту, были разные обещания, к сожалению, не все их исполнили. Мы сделали работы уже на 50%. Это вложения на 35 миллионов рублей. Сейчас работаем, ищем деньги. Речь идёт о значительной сумме, поэтому мы отказались от идеи сбора пожертвований со стороны членов общины. Это будет капля в море. Ведём переговоры с богатыми людьми. Вот и губернатор помог, надеюсь, что дальше будет помогать.

Архивные открытия

— Кто сейчас работает над восстановлением здания синагоги?

— Главным образом специалисты Центра сохранения наследия. Восстановление идёт и по документам, описаниям, и по фотографиям, есть соображения логики, наконец. Да можно было просто снимать краску со здания синагоги слой за слоем и прийти к её первоначальному цвету. Мы постоянно делаем открытия. В процессе работы обнаружили колонны, которые были раньше замурованы. Или, когда мы начали копать ритуальный бассейн, было много споров, там ли копаем. Оказалось, что мы определили его месторасположение безошибочно, наткнулись на старый фундамент.

— Надолго в советскую пору жизнь общины замирала?

— Я считаю, что в Иркутске этого не было вообще. Доказательством активной жизни общины является еврейское кладбище, которое работало все годы. Потом, когда оно закрылось, открылось другое, в Ново-Ленино. Мы в архивах работаем и видим, что в 1948 году была начата переписка с целью открыть в городе пекарню по изготовлению мацы. Там ведь не было никаких бизнес-планов, это на сто процентов религиозные убеждения. А когда пекарню всё-таки открыли, она была единственная за Уралом. До сих пор люди, приходя покупать мацу (теперь мацу привозим из Москвы), вспоминают и говорят, что в те годы она была вкуснее. Тогда это был ритуал. Тогда отдавали часть души, и в этом был определённый риск.

В ближайшее время община получит документы из архива. Мы сделаем так, чтобы люди знали, кто сохранил иркутскую еврейскую общину. Сейчас мы собираем материалы о легендарном раввине Натане Олевском. Он был очень авторитетный человек — единственный в то время раввин, кто отказывался читать молитвы за советскую власть из идеологических соображений. Когда синагогу закрыли, уехал из Иркутска и служил раввином в Марьиной Роще, где была единственная построенная в советское время синагога. Понятно, что власти не хотели, чтобы он работал в Москве. Но их тогда убедило то обстоятельство, что Олевский был уже очень пожилым человеком. Слава Богу, он дожил почти до ста лет. И для нас это должно быть большой гордостью, что у нас в городе был такой раввин. На меня это накладывает большую ответственность, потому что я знаю, кто тут служил до меня. Раввин Олевский похоронен под Москвой в Малаховке. Мы нашли его фотографию. Летом, когда я был в Израиле, у меня не получилось найти его сына. Не знаю, жив ли он. Он был профессором математики в Тель-Авивском университете.

Нам очень помогает историк Евгений Соломон. Он уже более двух лет работает в архиве. Это энтузиаст. Мы думаем, что он многое напишет о нашей общине.

— Это будет книга?

— Есть разные варианты. Одно ясно: мы постараемся получить максимум копий документов, чтобы они хранились в библиотеке общины, сделать их максимально доступными для членов общины. Потом, если получится, может, издадим книгу наподобие той, что увидела свет в 1915 году. Она называлась «Евреи в Иркутске». Есть идея продолжить её. Но главная задача сейчас — найти документы и восстановить синагогу.

Нельзя распыляться. У нас не та ситуация, когда можно заниматься сразу несколькими важными делами. Сейчас мы много сил прилагаем к тому, чтобы сделать в Иркутске образовательный центр — детский сад и начальную школу, где велись бы общеобразовательные предметы и дополнительно преподавалась бы еврейская культура, язык. Это будет частная школа. Такие школы есть во многих городах. Такой центр уже работал в Иркутске, но в 20-е годы прошлого века был закрыт. Хотя здание его сохранилось. Это угол Ямской и Декабрьских событий, там сейчас находится школа. Я не говорю о том, чтобы нам вернули это помещение, мы понимаем, что не можем его просить, потому что там учится много детей. Мы понимаем, что нельзя делать резких движений, чтобы это не вызвало споры на национальной почве. Иногда нужно быть умным, а не только правым.

Иркутский дом

— Насколько сложно было адаптироваться к иркутской жизни?

— Понятно, что были сложности. Одна из них связана с расстояниями. Это далеко от Москвы, от Израиля. Но мы приехали сюда, чтобы работать, поэтому сложностей не боялись. Спустя два месяца по приезду в Иркутск жена отправилась в Москву. Там она родила сына, ему сейчас три годика. А дочь появилась уже в Иркутске. Ей полтора года. Сейчас моя жена занимается не только детьми. У нас есть воскресная школа, она работает там. У нас есть клуб еврейских женщин. Они там встречаются, и она готовит специальную программу. Есть клуб кошерной кухни, которой она занимается.

— Сталкивались ли вы с языковым барьером?

— Я с детства понимал русский язык. Дома так было заведено: родители разговаривали с нами на русском, мы отвечали на иврите. Поэтому у меня была хорошая база понимания языка. Но когда я впервые оказался в Москве, ничего не мог сказать по-русски. Ну, разве что «папа». Пришлось учиться разговаривать. Надеюсь, что-то получается.

— Время примирило вашу семью с Россией?

— Жить в Иерусалиме для моих родителей было мечтой. Они понимают, что их появление в Москве — это временное явление. И сейчас они выполняют возложенную на них миссию. Думаю, для людей, пострадавших от советского режима, очень тяжело морально находиться в России. Их мучит страх или обида, пусть психологи ищут более точное определение. Есть осадок. Если их в семидесятых лишили гражданства, то они никогда не будут добиваться его получения обратно. Мама говорит, что она не могла себе представить, что её внуки, внучки появятся в России. Но, с другой стороны, некоторые евреи уже говорят: как жалко, что наши родители не могут видеть, как всё изменилось в России.

— А у вас двойное гражданство?

— Нет, только израильское. У жены израильско-австралийское. Очень трудно получить российский паспорт. Да и не в паспорте дело.

— И всё-таки, какой город для вас является родным?

— Конечно, Иерусалим, город, где родился. Но мой дом в Иркутске. Я здесь живу и никуда не собираюсь уезжать, у меня здесь ребёнок родился, у меня здесь квартира. В Израиле у нас не было никакой недвижимости. Всё, что мы здесь делаем, мы делаем в том числе и для себя.

Биографическая справка

Вагнер Аарон родился 6 апреля 1977 году в Иерусалиме. До 1990 года учился в Хейдере в Иерусалиме. 1992-1993 — учёба в Ешиве Хабад в Иерусалиме, 1994-1996 — Ешива Хабад в Цифате. 1996 год — работа со студентами в еврейской общине Донецка. 1997 год — работа воспитателем в интернате для детей из неблагополучных семей в Кафр Хабад. 1998 год — учёба в Донецке на раввина по специальной программе, совмещённая с практикой. 1999-2003 год — директор Донецкой еврейской общины. С сентября 2003 года —

главный раввин Сибирского федерального округа.

Женат, воспитывает сына и дочь.

Автор: Артур Скальский © "Конкурент" приложение к ВСП ОБЩЕСТВО, ИРКУТСК 3124 09.04.2007, 15:12

URL: <https://babr24.com/?ADE=37046> Bytes: 16586 / 16523 [Версия для печати](#) [Скачать PDF](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:

irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](#)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](#)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)